

You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice

Title: Russkij i pol'skij ugovovnye zargony : leksiko-semanticeskie osobennosti i konceptual'nye razlicia

Author: Margarita Nadel'-Cervin'ska, Aurika Cervinski

Citation style: Nadel'-Cervin'ska Margarita, Cervinski Aurika. (2009). Russkij i pol'skij ugovovnye zargony : leksiko-semanticeskie osobennosti i konceptual'nye razlicia. W: M. Nadel'-Cervin'ska, A. Zyh (red.), "Leksika podstandarta. T. 2, Sovremennye zargony i ih opisanie" (S. 46-55). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Маргарита Надель-Червиньска

Катовице—Сосновец, Польша

Аурика Червински

Иерусалим, Израиль

Русский и польский уголовные жаргоны: лексико-семантические особенности и концептуальные различия

Русский и польский уголовные жаргоны на современном этапе языкового развития представляют собой в определенной мере смежные ареалы узуральности, во многом очевидно пересекающиеся — по лексическому составу, специфике словоупотребления, семантике отдельных, сходных, единиц и некоторым др. параметрам. Здесь будут рассмотрены отдельные лингвopsихологические¹ аспекты речи криминальных и маргинальных по отношению к ним сред, с учетом специфики проявления этого языкового явления в своеобразных условиях России последних десятилетий и тех различий в бытова-

---

¹ А не психолингвистические, поскольку, в отличие от психолингвистики и социолингвистики, рассматривающих язык в неразрывной связи с говорящим человеком, с учетом социальных факторов в формировании и функционировании самого языка, направление *лингвopsихологии* (заявленное как новая методика в 1992 г. и в настоящее время описанное уже многими публикациями Иерусалимского научного центра) опирается на описание и изучение прежде всего узуральных проявлений языка, с учетом контекстуальных особенностей (в самом широком понимании лингвистического понятия *текст*), а также на описание этих явлений в контексте сравнительного языкознания, этимологии и этнокультурных явлений. Результатом же использования лингвopsихологических методик является широкий спектр реконструкции социокультурных моментов и диагностических возможностей — в описании коммуникативных и поведенческих моделей, а также речевых, психологических и психических особенностей личности (как субъекта и объектов речи, так и третьих лиц, проявления которых моделируются при общении разными формами речевых актов).

нии, которые отмечаются при сопоставлении русскоязычного и польского материалов, т.е. с учетом семантических смещений некоторых типов и разности акцентов использования в речи лексических единиц, равно актуальных для обоих жаргонов.

Чем же обусловлено изначальное сходство данных лексических фондов ненормированной лексики этих языков?

Оно определяется, с одной стороны, продолжительной территориальной экспансией России по отношению к Польше (имевших в конце XVIII и XIX веке общего царя, а в XX — тоталитарную общность и зависимость все от той же Москвы). Причем, как следствие второго, — имевших сначала общие сибирские лагеря для репрессированных и уголовников², последствием чего стала повсеместная ассимиляция уголовного и общеупотребительного в разговорной речи населения, а затем — получившие в наследство все от той же России — взаимно проникающие криминальные мафиозные структуры, к сожалению, оказывающие чрезмерное влияние на языковой контекст пограничных с ними коммуникативных пространств межличностных контактов, в т.ч. в разнофункциональных группах общения.

При этом заметное влияние на формирование уголовных жаргонов обеих языковых культур оказал специфический в своих проявлениях партийно-административный жаргон, активно используемый в России работниками всех слоев аппаратной номенклатуры и в т.ч., что вполне естественно, собственно работниками карательных органов (милиции, прокуратуры, НКВД и т.д.) и судопроизводства. Это — жаргон еще не описывавшийся и определяемый нами как «номенклатурная *феня*»³, т.е. активная вербально оформленная психологическая система подавления и обезличивания личности.

Подчеркнем при этом, что это всегда — язык манифестируемых субъектом речи деструкции и агрессии, направленных на некое второе или третье лицо (о котором идет разговор), а потому намеренно и жестоко оскорбляющий, унижающий, уничтожающий зависимую от него (и системы в целом) личность как объект речи (непосредственный или же косвенный). Это язык, определяемый нами как явление «*садического языка* тоталитарного государства»⁴.

С другой стороны, сходство жаргонов определялось, во-первых, родственностью и ассимиляцией славянских языков-основ, польского и русско-

---

² A. Chervinsky: *Психология зоны. Прimitивный садизм*. „Creativity & Communication Process” [Jerusalem] 1998, 1, Прил. 3; <http://www.nicomant.org>.

³ A. Chervinsky, M. Nadel-Czerwinska: *Номенклатура и феня. Уголовно-партийный жаргон как коммуникативная форма «советской зоны»*. „Slavica Electronica Erfordiensis” [Erfurt] 1998, 2; <http://www.slavica.ph-erfurt.de>.

⁴ Термин, используемый в наших работах с 1994 г., подробнее см.: A. Chervinsky: *Садический язык тоталитарного государства: лексический состав и специфика словоупотребления*. „Slavica Quinqueecclesiensis” 1999, Vol. 4: *Literatura Methodica*.

го, а во-вторых, некоторыми общими для этих речевых культур источниками пополнения и расширения жаргонного фонда, в частности — разного типа заимствованиями из идиша и иврита, цыганского и др.⁵ Реже при этом заимствование наблюдается из украинского и других национальных языков бывшего СССР (кавказских, среднеазиатских).

Такие же случайные совпадения как *gruzin*, жарг. (мелкий вор; бездомный = ночует в развалинах) / *грузин*, общеупотр., *gruzinka*, жарг. (уличная проститутка = клиентов водила в развалины домов, во время II мировой войны) / *грузинка*, общеупотр., следует рассматривать как явления межъязыковой или межславянской «омонимии». Однако анализ частотности разноязыковых заимствований, проявлений и обманчивых сходств в исследуемых жаргонах не входит в задачи данной работы.

Следует, на наш взгляд, остановиться прежде всего на замечаниях лингвистического, а точнее концептуального характера, которые появляются при внимательном изучении словарных фондов русского и польского уголовных жаргонов (в лучших на сегодняшний день их собраниях⁶). Фонды эти, само собрание и словарное описание которых безусловно представляет определенную сложность в связи со спецификой сред бытования и контингентов носителей-информантов, имеют (и особенно не в лучших своих собраниях) отчасти **выборочный или случайный характер**, что становится очевидно при сопоставлении разных источников, т.е. лексического состава жаргонов, фиксируемого разными словарями. В других же случаях, что так же сегодня нередко, очередное издание является **контаминацией предыдущих**, причем без критической их оценки, а потому вбирает все их промахи, недостатки и, увы, добавляет к ним свои⁷.

⁵ См., в частности: А. Małocha: *Żydowskie zapożyczenia leksykalne w socjolekcie przestępczym*. В: „Język a Kultura”. Т. 10: *Języki subkultur*. Wrocław 1994; А.П. Баранников: *Цыганские элементы в русском воровском арго*. В: *Язык и литература*. Т. 7. Ленинград 1931; Н.К. Дмитриев: *Турецкие элементы в русском арго*. В: *Язык и литература*. Т. 7...

⁶ Таковыми, с нашей точки зрения, являются: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)*. Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. Москва 1992; Д.С. Балдаев: *Словарь блатного воровского жаргона*. В 2-х т. Москва 1997; K. Stepniak: *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. London 1993.

⁷ Примером может служить, напр., издание, претендующее на полноту собрания русских жаргонизмов и ссылающееся на материал всех предыдущих источников: В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина: *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург 2000. Однако при значительном расширении фонда жаргонизмов за счет ссылок на современную художественную и публицистическую литературу, а также на ряд рукописных сборов и др. (что является несомненным достоинством словаря), он только выборочно (и выбор этот довольно произволен) отражает даже фонды двух изданий Д.С. Балдаева. В доказательство последнему приведем несколько произвольно взятых примеров, характерных для анализируемого нами уголовного жаргона. Так, статья *тёща* фиксирует два из трех балдаевских значений (за пределами словаря Мокиенко, Никитиной остается известное значение «скупщик краденого» и теряется, соотношенное только со статьей *портрет*, устойчивое выражение *портрет тещи* = собака, портрет Лайки на

Однако более серьезными претензиями к *словарным статьям* нашего типа будут:

а) их исходная **неполнота**, т.е. лишь выборочное и потому нередко не совпадающее отражение в словарях значений конкретной лексемы (что связано, видимо, со статусом информанта-носителя жаргона — представителя воровской среды или преступника-рецидивиста, работника правоохранительных органов или лагерного охранника, политического заключенного или случайной жертвы сталинских репрессий — часто представителей разных национальных и языковых культур, наркомана или жертвы гомосексуального насилия и т.д.);

б) **неточное описание значений**, иногда даже неверное (что связано, с одной стороны, с косноязычием и даже малограмотностью многих информантов, с другой же стороны — с вполне понятной недостаточной осведомленностью в данных вопросах субкультурного характера самих собирателей жаргона, которые нередко пытаются в словарной статье описать и пояснить значение, им самим не понятное);

в) **отсутствие аппарата словарных помет**, явно необходимого (что является, в частности, следствием неразличения самими авторами в общем жаргонном фонде заимствований из разных жаргонов и разных сфер бытования тех или иных лексем);

г) **отсутствие этимологического комментария**, так необходимого здесь, поскольку непонимание корневой семантики словарных лексем и принципов их словообразования значительно затрудняет как описание единиц данного фонда, так и последующий анализ их в узуальных контекстах просторечия;

д) **отсутствие внутренней систематизации самого словарного материала**, разнородного и разнофункционального по своему составу (что предполагает, на наш взгляд, качественно иную организацию словаря уголовного жаргона).

Анализ русскоязычного фонда уголовного жаргона обращает внимание на то, что самую обширную (и, можно сказать, подавляющую своей обширностью) группу составляет лексика *садистски окрашенная*, т.е. лексемы, экспрессивно заряженные в своей демонстративной агрессивности, направленной на другое лицо (объект речи) либо даже рассеянной (не имеющей конкретного объекта, поскольку таковым объектом демонстрации собствен-

папиросах). Из трех значений лексемы *тигрятник* у Балдаева, словарь Мокиенко, Никитиной отражает два, причем «упрощение» формулировок значений часто размывает их смысл. Статья *толкать* не отражает трех значений, зафиксированных у Балдаева. Гнездо статей *слонда*, *слюни*, *слюнтый(ка)* не отражает активных в просторечии значений (из лексикона ВОХР), зафиксированных др. словарями. За пределами сводного словаря жаргонов остались также многие единицы, отражающие сложные иерархические лагерно-тюремные отношения, а также весьма дифференцированные названия работников карательных органов и лагерного начальства, описывающие деятельность *актива* из заключенных, добровольно с ними сотрудничающего, и идеологические моменты, характерные для мест массового заключения.

ной силы и безграничной власти, *беспредела*, для субъекта речи, активного агрессора и деструктора, является весь окружающий мир — для него дискомфортный и потому им ненавидимый).

По сути, всё, что субъект речи не может подчинить себе, сделать своим, он стремится сначала унижить и дискредитировать в глазах всех окружающих (третьих лиц и невольных объектов речи, слушателей), а затем уничтожить. Стремится подвергнуть деструкции — если не делом (кулаком, оружием), то уничижающим словом (оскорбительным, грубым, бранным, вульгарным).

К этой, выделяемой нами первой, **сadicеской части уголовного лексикона** (активно задействованной в речекоммуникативных моделях тоталитарного строя и потому являющейся одной из составляющих **сadicеского языка** этого общества) относятся — на данном этапе развития жаргона криминогенных сред — следующие лексические группы:

1. Собственно **лексемы садистского характера** (помечаемые в разработанном нами словаре пометой *сад.*). Заметим при этом, что первоначальное предположение эту группу определять пометой *сдм.*, т.е. лексемы садомазохистского характера, не оправдалось, поскольку элементов мазохистского мироощущения, с предполагаемой пометой *мзх.*, в русскоязычном жаргоне вообще не оказалось, не удалось обнаружить их и в польскоязычных словарях уголовного жаргона.

Ими в криминогенном контексте описывается большой диапазон *действий, направленных на физическое уничтожение другого лица*, со значением *физического насилия*. Сюда относятся глаголы со значениями *бить* (1а), *убивать* (2а), реже *калечить* (3а), а также примыкают глаголы *действий, направленных на нравственную деструкцию*, т.е. *унижение другого лица*, как предшествующие деструкции физической. Это глаголы с фигуральными значениями *бить*, *калечить* (4а) и *убивать* (5а), со значением *нравственного насилия* (моральное уничтожение личности другого лица).

Сюда же отнесем лексемы, называющие эти *субъекты направленной агрессии и деструкции*, физической и нравственной (1б, 2б, 3б, 4б, 5б), а также лексемы, называющие *признаки субъектов направленной агрессии и деструкции* (1в, 2в, 3в, 4в, 5в). Для последней группы будет актуально субстантивирование и имен прилагательных (определяющий признак), и причастий (признак по совершенному или совершаемому над объектом действию).

Приведем примеры из русского и польского жаргонов:

1а — *вкатить* (нанести сильный удар), *шмардохать* (бить по лицу), 2а — *линчевать* (избивать с особой жестокостью, возможно до смерти), *плитовать* (плющить человека в плиту), *шараć* (бить, избивать), 3а — *вальнуть* (свалить, как быка на бойне), *оборвать струну* (ср.: нить жизни), *dmuchać* (стрелять, убивать), 4а — *обломить* (как быку рога), *сделать бульдога* (из анекдота: оторвать хвост и набить морду — так, чтобы сплющилась), *doakcecentować* (побить жертву, для острастки), 5а — *отрубить нос по са-*

мые яйца (кастрировать), *puszczyć śluzę* (превратить в мокрое место), *dobić* (добить дополнительно, до конца уничтожив); для 4а и 5а характерна возможность употребления в прямом смысле (*бить, убить*).

1б — *клоун* (пестрый от синяков, красный от крови), *мясо* (кровавое, избит до крови), *diagnoza* (жестокое избиение жертвы), *farb(k)a* (кровь, от *farbę puścić*), *deciak* (жертва; интеллигент, которого легко подчинить силе), 2б — *ванёк* (в т.ч. жертва коллективных издевательств), *дубарь* (глупый, недалёкий человек; потенциальный труп = вот-вот даст дуба), *figus, fikus* (калека), 3б — *жмур(ик)* (тот, кто уже зажмурился, закрыл глаза раз и навсегда), *загиб петрович (иванович)* (тот, кто загнулся, умер), *umrzyk* (уже труп), 4б — *зайчик* (жертва насилия и трус), *пуфик* (объект для избиения — также и в переносном смысле), *cielun* (глупец, идиот), 5б — *барашек* (баран для заклания), *попугайчик* (легко шею свернуть), *cieć malinowu* (полный идиот, возможно как жертва чего-л).

1в — *красивый* (избитый, разукрашенный синяками), *наркозный* (избитый до потери сознания, от *ввести наркоз*), *geba* [?], 2в — *стебанутый* (в т.ч. и искалеченный, больной на голову, напр., от битья по голове), *трудный* (который не понимает, что ему говорят, с поврежденной головой), *sztywny* (прямой, т.е. как мертвый, вытянутый), 3в — *зажмуренный* (лежит в морге с закрытыми глазами), *потемнённый* (ему «сделали темно», погрузили навеки во мрак смерти), *gotów (gotowy)* (мертвый, неживой), 4в — *учёный* (уже битый, от *учить*), *обломанный* (уже покорный, после побоев, от *обломать*), *truposz* (всё равно, что труп, возм. в перен. смысле), 5в — *больной* (уже готовый, с которого уже нечего взять), *обесцененный* (человек полностью уничтоженный как личность), *zimny* (холодный, остывший = бесчувственный, т.е. уже ни на что не реагирующий).

2. К этой же первой группе (садическое в жаргоне) относится также приблизительно такой же по широте диапазон лексем, в садистичности которых преобладает нравственное унижение и нравственная деструкция (через физически деструктивные действия — унижение и половое насилие, с особой жестокостью и(ли) извращенностью). Итак, это лексемы, описывающие собственно половое насилие, над женщиной (2а), причем возраст объекта насилия и способ насилия имеют для этой группы лексем, как и для последующих, только классификационное значение, половое насилие гомосексуального характера, над мужчиной либо над женщиной (2б), субъект насилия противоположного пола (2в), субъект насилия своего пола, гомосексуальный (2г), признаки объекта полового насилия, как до его совершения, так и после него (2д).

К категории 2г будут относиться и все названия мужчин-гомосексуалистов, а также женщин-лесбиянок. В последнюю же категорию, 2д, будут включаться все лексемы со значением «проститутка, продажная женщина». Здесь, к помете *сад.*, в словарной статье добавляется помета *изнас.* (изнасилование). В случаях 2б (насилие над субъектом-мужчиной), 2г, а также 2д

(если проститутка мужского пола) вводится дополнительная помета *гмскс.* (гомосексуализм), для садического фонда уголовного жаргона весьма актуальная.

Приведем примеры:

2а — *покрыть матрёшку* (девушку, женщину), *отшампурить* (совершать половое насилие, от *шампур*), *пустить на колхоз* (о групповом изнасиловании), *swelić* (совершать половой акт), *bzać* (совершать половое насилие), 2б — *натянуть (на болт)*, *шпокнуть*, *swelować* (совершать *гмскс.* половой акт), 2в — *акошевка* (т.е. дешёвка), *лялька* (молодая), *swelówa* (женщина, девушка; проститутка), 2г — *манька*, *додик*, *swerniak* (пассивные гомосексуалисты), 2д — *опущенный* (насиленно сделанный пассивным гомосексуалистом, часто в тюрьме), *голубой* (гомосексуалист), *buk* и *pet* (изнасилованный).

3. К этой же первой лексической группе следует отнести и **лексемы иерархического характера**, т.е. отражающие актуальные для криминальной, преступной и тюремно-лагерной (субкультурных), а также для собственно тоталитарной (уже в широком понимании) общностей отношения оппозиции *верх / низ* (авторитет / презираемый, сильный / слабый, власть имущий / беспомощный, имеющий всё / не имеющий ничего, т.е. оппозиция *насильник / жертва*). В этих случаях, к той же помете *сад.*, добавляется помета *иерарх.* (как отражение актуализации в преступном мире отношений иерархии).

Приведем примеры из русского жаргона:

- *вор в законе*, *авторитет*, *бугор*, *блатной* (уважаемый, которому все послушны) / *алёш(к)а*, *поддувало*, *яшка*, *шнурок*, *шушар* (воровская прислуга, человек на побегушках);
- *аристократ*, *бобёр*, *большой человек*, *стриж* (опытный, пожилой вор) / *баклан*, *букашка*, *брус шпановый*, *жеган* (неопытный, молодой);
- *бондарь*, *волк*, *пахан*, *иван иванович* (главарь) / *вишварь*, *гнул*, *деляга*, *жук* (мелкий вор).

В русском уголовном жаргоне садическая его часть составляет огромный лексический массив, в то время как в польском — только незначительный, по сравнению с лексикой в большинстве своем нейтральной и не окрашенной (вне контекста не несущей экспрессии). К русскому *садическому языку тоталитарного государства*, включающему в свой словарь и садическую часть уголовного лексикона, следует отнести также такие специфические языковые явления, как *номенклатурная феня* (1) и определенная часть *армейского лексикона* (2), поскольку репрессивный государственный аппарат СССР составляли люди в форме, а также — *русский мат* (3) и существенно отличающийся от него по семантике и словоупотреблению *номенклатурный мат* (4). Однако эти лексические фонды, на наш взгляд, следует рассматривать отдельно от собственно уголовного жаргона. Это разные словарные фонды и разные словари.

Вторая, довольно-таки обширная, хотя и уступающая первой, основной, группа лексики в уголовном жаргоне будет носить **несади́ческий характер** (хотя большую часть ее можно только условно признать *нейтральной*). В польском же жаргоне большинство лексем действительно *нейтральны* и носят несади́ческий характер (так же, как было некогда и в русском уголовном жаргоне — до начала 30-х годов). Сюда, к этой второй лексической группе, мы относим, прежде всего:

1. Собственно *лексикон профессиональных воров*, или *воровской жаргон*, сформировавшийся как «закрытый» для посторонних ушей и умов, в XIX—начале XX веков.

Сюда отнесем (а) названия воров по профессиям (*обротник, байданичик, медвежатник, вертухало, рысак*), (б) способы краж (*бить по ширме, по соннику, по цепи, базаровать, крутануть фраера*) и сама кража (*бомбёжка, скок, покупка, бишнет*) и соответственно (в) объект кражи, взлома, одушевл. или неодушевл. (*медведь, белуга, бумага, блинок, блин, бобёр*), (г) орудия взлома и разбоя, холодное и огнестрельное оружие (*блуда, гусиная лапа, шмаль, фомка, беда, бедолага, рулетка, рукоятка*), (д) места для скрывания краденого (*малина, хаза*), е) лексикон шулеров-картежников (*стирки, крап*) и т.д.

2. Названия одежды (*бри, корабли, коры, лепёха*), пищи (*коровьи слёзы, коряга, лёд, рассыпуха, пойло, праздник, кормушка*), предметов обихода (*ласо, лафетчик, матюгальник, каркас*), которые, однако, могут являться и объектами кражи, а также редкие в словаре жаргонные названия тепла, холода и некоторые др.

К той же второй группе мы относим лексику, условно называемую группой *ухода от жизни*, т.е. описывающую актуальные для заключенного, а также для деклассированного элемента формы и способы *забыться* — уйти от ранящей реальности, неблагоприятной действительности бытия. Сюда мы относим весьма активные лексические фонды уголовного жаргона, известные и просторечию:

3. *Лексикон алкоголиков*. К нему относятся многочисленные и активные также в просторечии (а) глаголы со значениями «пить (спиртное)», «выпи(ва)ть», «напи(ва)ться», «глотнуть (спиртного)», (б) лексемы, обозначающие «состояние человека выпившего, пьяного, перепившего», (в) названия алкогольных напитков (в т.ч. самодельных) и их заменителей, (г) названия пьяниц, алкоголиков и просто пьяных, подвыпивших (которые сильно дифференцированы в жаргоне), (д) названия емкостей для алкоголя (от *стопки* до *бутылки* и *цистерны*), (е) лексемы, описывающие последствия выпивки — состояние похмелья, опохмелье, неприятные физиологические процессы, вызванные ими.

4. *Жаргон наркоманов*. То же, но для наркоманской субкультуры.

Ко второму массиву условно нейтральной лексики отнесем также совсем небольшую и мало активную в речи заключенных и представителей криминальных субкультур группу:

5. Лексемы, называющие такие абстрактные понятия как *страх*, *смерть* и *сон*, т.е. косвенно выражающие чувства (напр., *боязни*), проявление которых в криминальном мире категорически запрещено.

Таких примеров в словарях обоих жаргонов крайне мало: *кат* (могила, склеп), *орон* (ящик, гроб), *колода* (гроб), *конверт* (гроб), *деревянный костюм* (то же) и табуирование момента умирания — *сыграть в ящик*, *сковырнуться*, *дать дуба*. Дурное предчувствие суеверно выражается так: *мираж* (дурной сон). Страх выражается так: *трухать* (бояться, пугаться) и *труха* (старый человек, который всего боится), *бздеть* (бояться, пугаться), *бздимо* (страх и страшно), *бздиловатый* (трус, перестраховщик). В польском жаргоне «страх» — *cykor*, *cukor*, *cykoria*, *cukoria*. Однако польскому уголовному жаргону, в отличие от русского, известно и слово «смех» — *chichranie*.

Как видим, такие сходные внешне, русский и польский жаргоны значительно разнятся и по составу лексики, и по окраске лексем, и по специфике употребления в речи, и по ассимилятивным принципам заимствования этих жаргонных единиц в просторечии. Поэтому эта проблема ждет еще в языкознании серьезного исследования и внимательного сопоставительного анализа.

Margarita Nadel-Czerwińska, Aurika Chervinsky

Rosyjski i polski żargon przestępczy: właściwości leksykalno-semantyczne i różnice konceptualne

Streszczenie

Rosyjski i polski żargon przestępczy na obecnym etapie ich rozwoju cechuje pewne podobieństwo w zakresie uzusu i duża zbieżność zjawisk językowych. W wielu przypadkach można mówić o ich wyraźnym krzyżowaniu się. Dotyczy to przede wszystkim zasobu leksykalnego, specyfiki użycia wyrazów, semantyki podobnych jednostek językowych, a także wielu innych parametrów. Analizując lingwistyczno-psychologiczne aspekty mowy środowiska kryminalnego i środowisk marginalnych w stosunku do niego, autorzy zwracają uwagę na specyfikę występowania tego zjawiska w Rosji na przestrzeni ostatnich dziesięcioleci. W toku analizy zwracają również uwagę na dające się zaobserwować różnice w egzystowaniu polskich i rosyjskich żargonizmów.

Margarita Nadel-Czerwińska, Aurika Chervinsky

Russian and Polish criminal jargon: lexical-semantic qualities and conceptual differences

Summary

Russian and Polish criminal jargon at the present stage of development is characterised by a certain similarity within the scope of usage and a big convergence of linguistic phenomena. In many cases one can speak of their clear combination. It refers mainly to lexis, specificity of words, semantics of similar linguistic items as well as many other parameters. Analysing linguistic-psychological aspects of speech of criminal and marginal environments with respect to them, the authors pay attention to the specificity of the occurrence of this phenomenon in Russia within the period of last decades. In the course of analysis, they also pay attention to the observable differences in the existence of Polish and Russian jargonisms.